

Люблинъ.

Тридцатаго августа выѣхалъ я изъ Варшавы въ Люблинъ. Наканунѣ мнѣ не дали съ Ковельскаго вокзала по телефону справки—когда отходить поѣздъ на Люблинъ?

— Такихъ справокъ мы по телефону теперь не выдаемъ, пожалуйста на вокзалъ лично.

Впрочемъ, билеты туда продавались безпрепятственно.

Это были тѣ дни, когда, послѣ долгой и упорной борьбы на линіи Люблинъ—Холмъ, австрийская армія подъ натискомъ нашихъ войскъ стремительно отступала къ югу.

Около станціи Вонвольница поѣздъ нашъ остановился. Была теплая и тихая ночь. На югѣ вспыхивали безшумныя молніи. Выходила луна, и степь стала таинственной и призрачной.

Было неожиданно для пассажировъ, что за линіей темныхъ вагоновъ оказался цѣлый обозъ раненыхъ. Ихъ только что привезли съ ближайшихъ мѣстъ боя на длинныхъ польскихъ телѣгахъ. Телѣги полны соломой, а на соломѣ раненые по четверо на каждой: двое впередъ головами, двое назадъ. Возбужденные и

обрадовавшіеся намъ солдаты и санитары говорили беспорядочно, стараясь какъ можно скорѣе высказать, что накопилось въ душѣ, о себѣ, товарищахъ, о здоровыхъ и раненыхъ, о войнѣ и русскихъ побѣдахъ. Съ благодарностью брали газеты, папиросы, сахаръ и чай. Ходили съ нами отъ телѣги къ телѣгѣ, задавали раненымъ вопросы. Они-то ужъ знаютъ, а надо, чтобы и мы услышали. Впрочемъ и для нихъ тѣ же рассказы имѣютъ каждый разъ новый и неповторяемый смыслъ.

Когда группа пассажировъ, кондукторовъ и солдатъ, освѣщенная ручнымъ фонаремъ, появлялась около телѣги, навстрѣчу намъ поднимались головы... И прежде всего въ сумракѣ ночи виднѣлись глаза: казались они большими, широкими и таинственными. Потомъ проступали лица, страдающія—у тяжело-раненыхъ, терпѣливо-спокойныя и даже сонныя—у легкихъ. Оживлялись намъ навстрѣчу, охотно разговаривали. Время ихъ тянется скучно. Саженьяхъ въ пятидесяти сквозъ парусину палатки свѣтятся огни полевого госпиталя. Тамъ идетъ лихорадочная работа перевязки и сортировки раненыхъ. Здѣсь стоитъ поѣздъ, куда кладутъ осматрѣнныхъ. Скоро ли нагрузятъ поѣздъ?

Рѣдкіе электрическіе фонари призрачно освѣщаютъ группу телѣгъ, солдатскихъ шинелей, разномастныхъ лошадей, кучи мужиковъ съ бичами, хворостинами. Солома въ телѣгахъ свѣжа и душиста, пахнетъ солнцемъ и ароматомъ перегорѣвшей земли. Жуютъ и фырчатъ лошади, глухо журчитъ въ степи многоголосый разговоръ,—точно крестьянскій базаръ, или обозъ съ хлѣбомъ остановился на ночлегъ около желѣзной дороги.

Но ходятъ межъ телѣгами санитары и сестры ми-

лосердія, поять раненыхъ. Но изрѣдка пахнетъ въ теплой ночи запахомъ іодоформа. Нѣтъ, это война! Она здѣсь близко, на разстояніи трехъ десятковъ верстъ, ходитъ съ громами нушекъ. А за нею ползеть мягкая, заваленная соломой крестьянская телѣга и, полная раненыхъ, мирно тарыхтитъ по проселочнымъ дорогамъ къ желѣзнодорожной станціи.

Въ одной телѣгѣ -- раненый запасный богемець. Въ глазахъ его появился враждебный испугъ, когда подошла наша группа. Папиросу не взявъ, указавъ сухимъ, длиннымъ пальцемъ на конецъ трубки, торчащей изъ бокового кармана куртки.

— Табакъ!

Его сосѣдъ, русый молодой солдатъ, уроженецъ Псковской губерніи, легко раненъ въ ногу; пулю уже вырѣзали. Закуривъ съ наслажденіемъ папиросу, онъ охотно поднялся съ соломы на здоровое колѣно, вынулъ изъ кармана затасканный кошелекъ и съ добродушной бранью показываетъ окровавленную австрійскую пулю.

— Вотъ мнѣ отъ австрійца гостинець прилетѣлъ. Спасибо, докторъ изъ мяса вырѣзалъ, такъ показать могу...

Всѣ обсуждаютъ австрійскую пулю. Она продолговата, больше дюйма длиной и въ толщину — тонкій карандашъ.

— Наши тяжелѣе! Наши крѣпче бьютъ! -- шутить „хозяйинъ“ пули, покачиваясь на одномъ колѣнѣ. — А эта укусила, какъ пчела, только и всего.

Мы идемъ межъ телѣгами. Всѣ оживленно рассказываютъ слухи о нашей большой вчерашней побѣдѣ.

— Германецъ приволокъ сюда два корпуса. Вчера

ихъ разбили вдрязгъ. Взяли сто двадцать орудіевъ, но-о-венькія! И испортить не успѣлъ,—всѣ цѣлы.

Видать, что это—прежде всего, радость мастеровъ того дѣла, которое они еще недавно дѣлали: а оно и безъ нихъ продолжается тоже хорошо!

И только тяжело раненные безучастны. По крайней мѣрѣ, ни голосомъ, ни жестомъ не выражали своихъ чувствъ. Лежа на спинѣ, смотрѣли въ тихое небо, на звѣзды, думали свои думы, углубленные страданіемъ.

На третій звонокъ всѣ заторопились къ вагонамъ. Проходя мимо телѣги, гдѣ, утонувъ въ соломѣ, неподвижно лежали раненные, я слышалъ, какъ одинъ тихо прошепталъ:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Я нагнулся къ его обтаявшему въ страданіяхъ лицу и спросилъ тихо, стѣсняясь своего яснаго, здороваго голоса:

— Во что раненъ, дружокъ?

— Въ пахъ раненъ и бедро раздроблено,—еле слышно прошепталъ онъ, съ трудомъ шевеля губами.

— Выздоровливай!—сказалъ я, убѣгая, стыдясь своего торопливаго безсилія.

Помчался дальше поѣздъ. Молчаливы поля, тепла ночь, и тихо вздрагиваютъ на горизонтѣ зарницы.

Утомительно долго держали нашъ поѣздъ передъ Люблиномъ. Видно движеніе цвѣтныхъ огней, слышно пицѣнне паровозовъ, лязгъ буфферовъ, гудки будочниковъ и гулъ жизни полнаго города. Только послѣ полночи поѣздъ подошелъ къ вокзалу Люблина.

Нѣсколько недѣль городъ этотъ жилъ подъ угрозой нашествія непріятельскихъ войскъ и еще четыре дня тому назадъ населеніе Люблина слышало гулъ орудий-

ныхъ выстрѣловъ, а ночью съ крышъ города было видно, какъ на темномъ небѣ, оставляя свѣтлые слѣды, летали снаряды.

— Ровно спичками кто чиркалъ по небу!

На вокзалѣ густо народомъ. Пассажиры, офицеры, солдаты, желѣзнодорожные служащіе. Все торопливо, сосредоточенно, молчаливо и отчетливо въ дѣйствіяхъ, скупю на слова, даже на жесты...

Въ пару дыханья, въ пыли отъ сотенъ ногъ тускло свѣтило электричество. Въ одной изъ комнатъ, сложивъ въ козла ружья, спятъ солдаты. Свернулись сильныя молодыя тѣла; наивно и беспомощно парами разбросались по полу сонныя ноги. У каждаго на вискѣ лежитъ фуражка. Спятъ, но чувствуется, что въ усталыхъ тѣлахъ не заснула тревожная готовность — вскочить при первомъ звукѣ команды.

Какъ и люди, чутки были ночныя улицы города. И въ два, и въ три часа ночи все еще не можетъ успокоиться тревожно-радостный послѣ побѣдъ, захлебнувшійся людьми городокъ.

Рано утромъ я иду съ членами люблинскаго обывательскаго комитета по городу. Открыты лавки, магазины, кофейни. По улицамъ носятся автомобили, экипажи. На тротуарахъ густая толпа горожанъ и военныхъ бѣгаютъ мальчишки и горланятъ названія газетъ.

Вотъ нѣсколько солдатъ, съ ружьями на плечо ведутъ большую толпу плѣнныхъ нѣмцевъ. Они идутъ среди улицы плотной синевато-сѣрой кучей, переваливаясь съ ноги на ногу. Большинство смотритъ угрюмо подъ ноги, только немногія лица съ любопытствомъ осматриваютъ дома, сады, извозчиковъ. Толпа на тро-

туарахъ замедляетъ на минуту шаги и молча провожаетъ взглядами неуклюжихъ нѣмецкихъ парней.

Плѣнными занятъ и арестный домъ. Дворникъ съ метлой остановился у окна, смотритъ черезъ рѣшетку съ удивленіемъ на чужія одежды и лица: неужели это тѣ самые, «враги»? Караульный солдатъ кричитъ:

— Пу, чего тамъ стоишь, проходи!

— Да я свой, дворникъ!—отвѣчаетъ тотъ, начиная работать метлой.

— А дворникъ, такъ мети! Нечего ротъ развѣвать.

Встрѣчаемъ на улицѣ крестьянскую телѣгу. Сидитъ крестьянинъ, съ нимъ—дама. Мой спутникъ удивленно скидываетъ руками.

— Какъ, вы здѣсь?

Крестьянинъ оказывается помѣщикъ Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи, бывший членъ Государственной Думы П-скіи. Австрійцы сожгли его имѣніе. На телѣгѣ у нихъ съ женой корзинка и складной стулъ.

— Вотъ все, что осталось. Ищемъ пристанища.

Около собора куча народу. Осматриваютъ отнятыя у нѣмцевъ пушки. Новыя, кое-гдѣ видны слѣды отъ пуль. И стальные щиты пробиты пулями съ зарядной стороны. Номера пушекъ: 4864 и 4866; на каждой надписи: «pro gloria et patria» и «ultima ratio regis».

Какой-то солдатикъ, видимо артиллеристъ, съ наслажденіемъ показываетъ, какъ изъ пушекъ стрѣляютъ. Для устойчивости онъ раскорячился, самъ себя командуетъ, подвинчиваетъ прицѣлъ, хватаетъ изъ воздуха невидимые снаряды, ловко вкатываетъ ихъ въ отверстие, щелкаетъ замкомъ и коротко вскрикиваетъ:

— Пли!

Толпа невольно откачивается по обѣ стороны дула, разрисованнаго германскимъ гербомъ. Солдаты смѣется и снова «заряжаетъ»...

Нужно отдать справедливость администраціи города Люблина, его городскимъ властямъ и всему населенію они переживаютъ это время съ достоинствомъ. Не было бѣгства, и даже въ самые тревожные дни всѣ напряженно дѣлали свое дѣло.

Въ госпиталяхъ санитарной комисіи дѣятельно и полнолюдно. Бѣлыя комнаты, въ бѣлыхъ халатахъ врачи, сестры, санитары, въ чистомъ бѣлье раненые. Чувство бѣлизны, чистоты тѣлесной и духовной радуетъ и волнуетъ. Кажется, что всѣ лица бѣлы, бѣлымъ свѣтомъ свѣтятся глаза, взволнованные однимъ чувствомъ, одной мыслью.

Учащаяся молодежь, гимназисты и гимназистки день и ночь служатъ въ госпиталяхъ, исполняя самыя грязныя работы. Узнавая въ этихъ юношахъ и дѣвушкахъ,—почти дѣтяхъ,—не простыхъ слугителей, раненые офицеры отказываются принимать услуги:

— Но это невозможно! Вы—гимназистъ, и будете...

— А что же? Позвольте хоть этимъ быть полезнымъ.

Въ помѣщеніи частной польской гимназіи расположился госпиталь курскаго губернскаго земства. Онъ прекрасно оборудованъ, у него есть съ собой все до послѣдней нитки. Онъ можетъ остановиться въ степи и черезъ нѣсколько часовъ развернется на сто кроватей со всѣми удобствами.

Вдѣмъ къ вокзалу на перевязочный пунктъ. Тамъ все въ движеніи: люди, вагоны, телѣги съ ранеными автомобилями. Въ длинныхъ сараяхъ (бывшіе товарные

склады) на низких койках-носилках лежат длинными рядами раненые. Здание сарая уходит вдаль суживающейся галлереей, и ряды коекъ кажутся безконечными. Въ одномъ сараѣ перевязываютъ врачи Краснаго Креста, въ другомъ—врачи обывательской санитарной комисси. Работа идетъ день и ночь, да развѣ тутъ возможенъ иерерывъ?!

Вотъ молодой врачъ осматриваетъ въ головѣ рану запаснаго австринца. Солдатъ сидитъ на стулѣ, закрывъ глаза, и непрерывно стонетъ подвывающимъ стономъ. Вотъ промываютъ сквозную рану въ ногѣ русскаго солдата. Нога стала большой и багровой. Раненный кричитъ, стиснувъ зубы. Понимая боль, докторъ изрѣдка говоритъ:

— Ну, потерпи, потерпи! Чай не баба. Черезъ мѣсяцъ снова нѣмцевъ бить пойдешь...

Идемъ межъ койками. Раненые терпѣливо ждутъ очереди. Вышелъ врачъ и отбрасываетъ тяжело раненныхъ. Распахнулъ шинель австрийца, слегка поморщился, спрашиваетъ:

— Ты сколько дней раненъ?

Солдатъ понялъ и, поднимая желтую руку, съ трудомъ разгибаетъ четыре заскорузлыхъ пальца, дышитъ тяжело и отрывисто.

— Несите!—коротко приказываетъ санитарамъ врачъ и быстро идетъ въ перевязочную,—бѣлое и радостное видѣніе. Вѣроятно, какъ ждутъ его раненые!

Русскій солдатъ, глядя на меня, говоритъ, подавляя завистливое чувство:

— Ничего, подожду. Этотъ больно мучается. Поди ужъ загнилъ, сердяга.

Во второмъ баракѣ начинаются почти сплоснь

австрийцы: поляки, богемцы, мадьяры, словаки. Спать, лежать съ открытыми глазами, жуютъ принесенные горожанами подарки. Нѣмецъ съ худымъ желтымъ лицомъ, раненъ въ голову, умираетъ. Вѣроятно, онъ видитъ что-то очень пріятное, ибо лицо его улыбается и рука медленно приподнимается въ нетерпѣливо-радостномъ движеніи.

А вплотную къ баракамъ подходятъ вагоны, устланные соломой, и подвозятъ новыхъ раненыхъ...

Недалеко отъ перевязочнаго пункта лазаретъ на средства люблинскихъ евреевъ — полтораэта коекъ. Послѣ перевязочныхъ бараконъ лазаретъ кажется уютнымъ и даже веселымъ мѣстомъ. Всѣ умыты, чисты перевязаны, лежатъ въ теплыхъ кроватяхъ. Врачи фельдшера, сестры, сидѣлки, санитары—евреи. Старый еврей-санитаръ, участникъ русско-турецкой войны 1878 г., тоже прилежся, свертываетъ бинты. Въ услуженіи—учащаяся молодежь, совѣмъ молодые юноши и дѣвушки.

— А эти-то какъ?—спрашиваю сестру.

— Самые лучшіе работники! Не работаютъ—горятъ.

Раненые—русскіе и многоплеменные австрийцы. Сегодня выписываютъ изъ госпиталя нѣсколько русскихъ солдатъ,—ихъ можно отправить дальше, во внутреннія губерніи. Одинъ черный, рябой запасной цсковичъ не утерпѣлъ, заплакалъ отъ благодарности, подзываетъ старшую сестру, взялъ за плечо и креститъ:

— Спасибо, сестрица, дай, перекрещу тебя,

— Благодарю, дорогой,—говоритъ та, глотая слезы.— Уѣдешь, помни, что былъ ты въ еврейскомъ лазаретѣ... Я бы не говорила, да ты знаешь, какъ къ намъ нѣкоторые относятся и что про насъ говорятъ...

Солдатъ смотритъ на нее ласково.

— А я отъ васъ кромѣ добра не видалъ ничего...
Ну, а ты та ужъ, чай, русская?

— Нѣтъ, и я еврейка.

— Ну, Господь съ тобой! Не обезсудь, если что не такъ сказалъ, али сдѣлалъ... Прощайте.

Вышли мы изъ госпиталя,—шелъ мелкий осенній дождь. Напряженная работа, и движеніе кругомъ.

